

УДК 830(73)

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-22-29

Рязанов А.И.*Московский государственный областной университет*

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ АМЕРИКАНСКИХ УЧЁНЫХ-ПРОГРЕССИСТОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу воззрений К. Беккера, Ч. Линкольна, Э. Саймонса, Дж. Смита, Э. Селигмана. Рассмотрены как теоретико-методологические, так и конкретно-исторические взгляды упомянутых авторов на важные вопросы американской и мировой истории. Освещены понятия, которые использовали учёные, подходы к пониманию исторических фактов, оценки американских революций и Первой мировой войны, влияние корифеев-историков на историографию Соединённых Штатов Америки, а также некоторые другие вопросы. Определено место данных историков-прогрессистов между Ф. Тёрнером и Ч. Бирдом.

Ключевые слова: историография, американская историческая наука, прогрессистское направление, прагматизм, презентизм.

A. Ryazanov*Moscow State Regional University*

ON THE QUESTION OF HISTORICAL VIEWS OF THE AMERICAN SCIENTISTS OF THE PROGRESSIVE DIRECTION

Abstract. The article is devoted to the analysis of the opinions of C. Bekker, Ch. Lincoln, A. Simons, D. Smith and A. Seligman. Their theory-methodological and concrete-historical views on the main questions of the American and world history are discussed. The ideas the scientists used are highlighted in the article, as well as their approaches to understanding historical facts. Besides, their appraisals of the American revolutions and World War I are given. The author also mentions their influence on the historiography of the United States of America and covers some other questions. The place of these scientists is defined to be between F. Turner and Ch. Beard. *Key words:* historiography, American historical science, progressive direction, pragmatism, presentism.

Среди историков прогрессистского направления в историографии США ведущие позиции занимали такие корифеи научной мысли, как Ф.Дж. Тёрнер и Ч.О. Бирд. Кроме них, к историкам-прогрессистам следует отнести и тех, кто занимал своеобразное промежуточное положение между упомяну-

тыми классиками: К. Беккера, Ч. Линкольна, Э. Саймонса, Дж. Смита, Э. Селигмана (хотя последний, конечно, не только историк, но и экономист).

Беккер утверждал, что “заявление об историческом событии и составляет... исторический факт”, причём последний “находится в чьих-то мыслях или ... не находится нигде” [12,

р. 124–125]. Он считал, что прошлое исчезло, поэтому история – результат мыслительной работы и воображения историка, который имеет дело с наследием и свидетельствами минувших времён, самостоятельно определяя их значение, исходя, прежде всего, из сегодняшних интересов. Таковые важны для проектирования грядущего. Недаром утверждалось, что “прошлое – некое подобие экрана, на который мы проецируем... видение будущего” [12, р. 128]. Все люди – разные, поэтому историки по-разному видят историю одних и тех же событий. Более того, с течением времени неизбежно меняются взгляды, оценки, установки и т.д., следовательно, “каждое поколение переписывает историю заново, привнося в неё новое содержание” [12, р. 132–133]. При таком подходе реальная действительность (в том числе та, которая существовала в прошлом) подменяется субъективными представлениями историков. Подобные взгляды принято считать разновидностью прагматистского презентизма (мнение А.Е. Куниной) [2, с. 50]. Американский исследователь К. Страут называл упомянутые воззрения К. Беккера “прагматистским релятивизмом” и “субъективно-релятивистским презентизмом” [17, pp. 5, 28]. Отметим, что речь идёт, прежде всего, о субъективно-идеалистической интерпретации понятия “исторический факт”, истоки которой – известные трудности исторического познания, а именно – двойственность понимания того, что такое исторический факт. В своё время М.А. Барг, рассуждая с позиций исторического материализма, отмечал, что исторический факт, с одной стороны, это фрагмент объективной реальности, а с другой –

отражение (в той или иной мере адекватное), этого “фрагмента” в сознании людей [1, с. 150–152]. В этом и заключается упомянутая двойственность; Беккер же сделал акцент на отражении прошлого в сознании и мышлении, что и привело его к субъективно-идеалистической трактовке.

Упомянутый американский историк сомневался в возможностях исторического познания. Например, размышляя о возникновении мировой войны 1914–1918 гг., он писал следующее: “Какое влияние оказали... исследования специалистов на общественную жизнь нашего времени? Во всяком случае, накопленные за целое столетие исторические знания не смогли предотвратить мировую войну... Я не хочу сказать, что историческая мысль несёт ответственность за мировой конфликт... Она вообще никак не повлияла на положение вещей” [12, р. 136–137].

Подобные сентенции привели К. Беккера даже к заключению о непознаваемости истории вообще. В связи с этим упомянем о его докладе “Каждый – собственный историк”, зачитанном на заседании Американской исторической ассоциации 28 декабря 1931 г. Исходя из того, что прошедшая действительность не существует как реальность в том смысле, что её нельзя непосредственно наблюдать, Беккер рассуждает в духе агностицизма: “Мы ничего не можем знать о большой части событий, даже то, что они произошли...” Вместе с тем историк не может игнорировать “материальный след, оставленный прошлым”. В качестве последнего выступают, прежде всего, “письменные документы”. Исходя из этого, учёные воссоздают “иде-

альную серию событий”. Но учёные – разные люди, отсюда и утверждение Беккера о том, что история “не может быть... одинаковой для всех...” Выходит, что у каждого – своя собственная история, “воображаемая реконструкция исчезнувших событий...”, которая, по сути – “неустойчивое изображение предметов воспоминаний, переделанное и заново окрашенное в интересах тех, кто ей пользуется” [6, р. 221–236]. Ценность истории, по таким меркам, – в “полезности для настоящего”. Очевидно влияние презентизма, прежде всего идей итальянского философа и историка Б. Кроче, у которого К. Беккер, по мнению Ч. Дестлера, почерпнул “чувство свободы от объективных, научных стандартов, а также скептицизм...” [10, р. 339]. Вместе с тем, у того же Беккера встречается мнение о том, что задача историка – “извлекать из прошлого пользу” [7, р. 243–259]. В этом сказывалось воздействие прагматизма, идей Ч. Пирса, У. Джемса, Дж. Дьюи, которые, впрочем, были весьма распространёнными в США конца XIX – середины XX вв.

Утверждение о том, что “каждый – собственный историк”, влечёт признание правомерности любых трактовок истории, а это, в свою очередь, ставит под сомнение саму историю как науку. Примечательно, что К. Беккер отвергал марксистский вариант исторической теории из-за присутствия в нём якобы “утопизма” и “фатализма” [6, pp. 116, 125, 128]. С другой стороны, Карл Лотус Беккер утверждал, что в истории можно наблюдать события и их соотношения, но невозможно установить их причины, во всяком случае, методом нарратива (описания). Поэтому же “причины явлений заключены

в них самих, и выделить какие-либо аспекты в качестве... главной причины невозможно” [9, р. VII–IX]. Здесь американский историк явно выступал с позиций не только агностицизма, но и индетерминизма.

Деятельность человека в истории, по Беккеру, определяется целями, обусловленными людской натурой и окружающей средой. При этом мысли имеют первичный, а материальные интересы – вторичный характер [9, р. 93–95]. В этом утверждении – выражение идеалистического подхода американского автора, по мнению которого пройдут века, а может быть, даже тысячелетия, пока “разумные взгляды просвещённых людей” приведут к качественному улучшению социальных отношений [9, р. 98].

Конечно, историческое прошлое недоступно непосредственному наблюдению. Воссозданием прошедшей действительности занимаются учёные-историки, опирающиеся на источники и отталкивающиеся, прежде всего, от интересов и запросов своего времени (т. е. современности). В этом состоит своеобразие исторического познания, что, однако, не отрицает его достоверности и научности, возможности поисков и нахождения объективной истины. Нельзя сбрасывать со счетов и момент релятивности (относительности), которая при этом присутствует. Но, как известно, достижение относительных истин есть приближение и к абсолютной истине. Сам процесс познания неотделим от личности учёного, чья общественная позиция определяет понимание и оценку анализируемых событий, а также процессов и т.п. Но субъективный взгляд историка, его позиция

не должны подменять собой объект изучения – факты прошлого. Несомненным является наличие причинно-следственных связей в истории, которые вполне реально выявить, как и “главную причину”, т.е. первопричину. Признание же определяющей роли идей, их примата в отношении материальных интересов может привести к социальному пессимизму, что, конечно, заслуживает критики.

Необходимо заметить, что именно К. Беккер назвал Первую Американскую революцию “двойной революцией”. Имелось в виду сочетание в ней как антиколониальных, так и внутриполитических аспектов [8, р. 5]. Историк разделил колонистов-патриотов на радикалов и умеренных по взглядам на необходимые преобразования. Однако Беккер не увидел разделения на умеренных и радикалов по их отношению к антиколониальной идее. С другой стороны, он верно указал на то, что противоречия между патриотами отражали особенности общественных отношений. Движение фермеров, арендаторов, ремесленников возникло на волне антиколониального протеста, а затем оно вылилось в борьбу против привилегий лендлордов, купцов и финансистов [8, р. 40].

Известно, что К. Беккер являлся одним из учеников Ф. Тёрнера, в письме к которому от 19 марта 1909 г. охарактеризовал вышеназванную “борьбу за демократизацию отношений политики и общества” как ведущую (“первичную”). Отсюда вытекала необходимость переписать (точнее – переосмыслить) историю социально-политических течений времён вызревания войны за независимость в Северной Америке [19, р. 11].

Понятие “двойная революция” использовал и коллега Беккера – Чарльз Линкольн. Есть мнение о том, что в историческую науку это понятие ввели они вместе [4, с. 28]. Именно под влиянием Ч. Линкольна дана была дефиниция указанного понятия, – и не кем иным, как Ф. Тёрнером: “Двойная революция” есть антиколониальная война и восстание в атлантических графствах неимущих против собственников” [3, с. 84; 18, р. 111].

Ч. Линкольн ввёл и другое понятие – “внутренняя революция”, направленная против привилегий лендлордов и финансистов и осуществлённая как фермерами-скваттерами западных поселений, так и бесправными горожанами колоний за облегчение доступа к земельным участкам и расширение избирательного права. Это означало восстание против политических и экономических позиций “верхов”, и только после этого – антиколониальное движение в борьбе с метрополией (Англией). Успех “внутренней революции” был закреплён в Конституции штата Пенсильвания – самого демократического акта конца XVIII в., в отличие как от Конституций других штатов того же времени, так и от “Декларации Независимости” и “Статей Конфедерации”. [11, р. 40–41, 189, 277–281].

Среди историков, занимающих место в прогрессистской историографии между Ф. Тёрнером и Ч. Бирдом, выделяется и Джон Аллен Смит, профессор Колумбийского университета. До него Конституцию США рассматривали сугубо как юридический документ, отражавший только идеи права. В свою очередь, Дж. Смит поставил задачу исследовать как “дух американского правительства”, так и экономическую

сущность Конституции 1787 года. Он пришёл к выводу о том, что принятие основного закона США было попыткой буржуазии и плантаторов “увечить свои права с помощью правовых гарантий”. Филадельфийский Конституционный Конвент “ставил своей целью организацию... центрального правительства, которое было бы способно обеспечить стабильность и неизменность сложившихся отношений” [16, р. 299]. Авторы Конституции исходили из доктрины “закреплённых законом имущественных прав”, по которой частная собственность понималась как неотъемлемая и священная. Этот подход Смита оказал влияние и на Ч. Бирда, создавшего, как известно, глубокое исследование о принятии Основного закона США и его экономической интерпретации [4, с. 37; 5].

Следует отметить также экономиста и историка Э. Селигмана, примыкавшего к прогрессистскому направлению. Касаясь вопроса об историческом детерминизме, он выделял два течения – нематериалистическое и материалистическое, относя к последнему приверженцев географического, биологического и экономического факторов. При этом ключ к объяснению “исторической причинности”, по его мнению, давала экономическая интерпретация истории [13, р. 3–4]. К последней, по Селигману, относились различные теории – от доктрины А. Лориа до учения К. Маркса и Ф. Энгельса, Кстати, он считал, что именно “Маркс, без всяких сомнений, должен быть признан подлинным создателем экономической интерпретации истории” [13, р. 24]. В свою очередь, Селигмана философия истории Маркса устраивала, ибо предполагала изучение развития

социально-политической структуры в связи с изменением экономических основ общественных отношений [13, р. 43, 67, 99, 107–109]. Кстати говоря, с таким подходом был согласен и Чарльз Остин Бирд.

А вот доктрину итальянца Лориа Селигман критиковал за преувеличенное внимание к аграрным отношениям и земельному вопросу [13, р. 149]. Как известно, концепция А. Лориа являлась одним из истоков взглядов Фредерика Джексона Тёрнера, и, критикуя её, Э. Селигман тем самым косвенно высказывал своё отношение к теории “подвижных границ”.

К прогрессистскому направлению в американской историографии примыкает также Элджи Саймонс, который порой именовал себя марксистом, хотя на самом деле находился под большим влиянием своего учителя Тёрнера. Именно этим обусловлены высказывания Саймонса: “Последовательные ступени заселения американского Запада надвигающейся армией первопроходцев-пионеров воспроизводят перед нами историю социального развития”, к тому же, “пока существовала... подвижная пограничная полоса, Соединённые Штаты Америки являлись единственной страной в мире, где жители могли по собственному усмотрению выбирать, в какой из исторических эпох общественного развития им жить”, в таких условиях “раздавленный конкуренцией безработный... мог двинуться вперёд в географическом смысле и назад... в историческом, вернувшись к быту первых оседлых поселенцев” [14, р. 14–19]. Под воздействием взглядов ближайшего последователя Тёрнера О. Либби Саймонс писал о “географическом распределении

голосов избирателей во время ратификации Законодательными собраниями штатов федеральной Конституции США” [14, р. 21–23]. Указанный процесс имел место сразу после принятия Основного закона Соединённых Штатов (в 1787–1789 гг.). Однако, в отличие от Либби, Саймонс подмечал и подчёркивал роль классовой борьбы в Американской революции XVIII в. [15, р. 46–47, 92, 98]. Кстати, у Саймонса выходило, что победа последней была во многом predeterminedена предшествовавшей ей Английской революцией XVII в. [15, р. 70]. Нельзя, конечно, отрицать известную взаимосвязь вышеозначенных революций, при этом памятуя об особенностях и своеобразии каждой из них.

Испытав влияние Ч.О. Бирда, Элджи Саймонс трактовал историю США XIX в. через призму борьбы “аграрных” и “промышленных” интересов, что, кстати говоря, было вообще характерно для историков-прогрессистов. “Джефферсоновская демократия” для Саймонса была компромиссом между демократией “подвижной границы” и влиянием плантаторов-рабовладельцев, которые превратились в политическую силу из-за “хлопкового бума”. Поэтому Томас Джефферсон – не только плантатор, но и творец союза рабовладельцев с фермерами [15, р. 120, 123–124]. А вот “джексоновская демократия”, по Саймонсу, была не столько порождением “границы” и фермеров Запада, сколько результатом воздействия рабочего движения Северо-Востока США [15, р. 213]. В этом отношении очевидно существенное отличие от взглядов Тёрнера. Саймонс объявляет “джексоновскую демократию” временем рабочих, мелкой буржуазии

и “потенциальных капиталистов” [15, р. 215]. Оно продолжалось, согласно Саймонсу, с 1829 по 1844 гг. [15, р. 204]. Очевидна условность поздней хронологической границы уже хотя бы с той точки зрения, что президентство Эндрю Джексона завершилось в 1837 г. Но Саймонс увязывает вышесказанное с главной, по его мнению, причиной Гражданской войны в США 1861–1865 гг., а именно – соперничеством плантаторов Юга и буржуазии Северо-Востока из-за экономических разногласий и контроля над федеральной властью.

Гражданскую войну Саймонс понимал как борьбу двух больших “секций”, причём одна из них была основана на рабском подневольном труде, а другая – на свободном найме рабочей силы. Такая трактовка навеяна влиянием Ф.Д. Тёрнера и предвосхищала концепцию Ч.О. Бирда. Упомянутые секции боролись за перераспределение собственности, богатства и власти в стране. Однако Саймонс не раскрывает прогрессивного значения борьбы Севера против рабства. Соответственно, умалчивается значение подлинно исторических решений об отмене рабства, принятых в 1862 – 1865 гг. К тому же, по Саймонсу, сами негры были якобы не способны подняться на борьбу за освобождение, не восставали во время Гражданской войны, что откровенно противоречило известным историческим фактам. Что же до рабовладельцев, то они-де не имели агрессивных намерений, хотели мирно отделить Юг и т. д. О намерениях плантаторов распространить свою “хозяйственную систему” на Запад Саймонс умалчивает, игнорирует агрессивный характер действий южан и фактическое развязывание именно ими Гражданской

войны, не говоря уже о планах экспансии Конфедерации вплоть до намерения захватить обширные территории в Латинской Америке. С другой стороны, Саймонс проходит мимо прогрессивной роли капитализма Северо-Востока, действий северян, системы свободного найма и промышленной буржуазии. Он даже объявляет пропагандистским мифом оценку великого президента США Авраама Линкольна как борца с рабовладением. Этот миф был призван, по Саймонсу, “обелить плутократию” республиканской партии и её лидеров. Впрочем, и восстание под предводительством Джона Брауна у Саймонса именуется “методом самой легкомысленной, нелепой пропаганды действием” [14, р. 61, 63, 66–67]; [15, р. 268–269]. Подобные суждения не только идут вразрез с устоявшимися в исторической науке мнениями, но и находятся в прямом противоречии с важнейшими фактами.

Наряду с этим, Э. Саймонс вполне адекватно оценивал значение Гражданской войны в США, когда указывал, что именно она предварила Реконструкцию, а вместе с тем “открыла эру гигантских промышленных предприятий”, что, в свою очередь, привело к появлению “крупных капиталистов” и “большой индустрии”, формированию основ индустриального общества [15, р. 275, 284]. Такая трактовка итогов и последствий Гражданской войны 1861–1865 гг. перекликалась с интерпретацией её Ч. Бирдом и его последователями. Попутно заметим, что большие промышленные предприятия в США появились уже и до Гражданской войны – на Севере и Северо-Востоке, после неё этот процесс затронул и Юг.

В целом взгляды Саймонса отличны, конечно, от взглядов других историков-прогрессистов. Несомненным является то, что в его трудах история США неразрывно сопряжена с присутствием и развитием социальных конфликтов на разных её этапах.

Таким образом, между корифеями Ф.Д. Тёрнером и Ч.О. Бирдом существовала целая плеяда историков-прогрессистов, занимавшихся как теоретико-методологическими, так и конкретно-историческими исследованиями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1987. 342 с.
2. Кунина А.Е. США: методологические проблемы историографии (практика исследований). М.: Наука, 1988. 212 с.
3. Основные проблемы истории США в американской историографии от колониального периода до Гражданской войны 1861–1865 г. г. / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Наука, 1971. 375 с.
4. Согрин В.В. Критические направления немарксистской историографии США XX века. М.: Наука, 1987. 268 с.
5. Beard Ch. A. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N.Y.: Macmillan, 1913. VII, 330 p.
6. Becker C.L. Everyman His Own Historian // The American Historical Review. – 1932. January. Vol. 37. № 2. P. 116 – 259.
7. Becker C.L. Everyman His Own Historian. Chicago, 1966. 270 p.
8. Becker C.L. The History of Political Parties in the Province of New York. 1760–1776. Madison, 1960. 230 p.
9. Becker C.L. Progress and Power. Stanford, 1936. IX, 156 p.
10. Destler Ch. M. The Crocean Origins of Becker’s Historical Relativism // History and Theory. 1970. Vol. 9. № 3. 330–352 p.
11. Lincoln Ch. H. The Revolutionary Move-

- ment in Pennsylvania. 1760–1776. Coscob, 1968. 493 p.
12. The Philosophy of History in Our Time / Ed. By H. Meyerhoff. N.Y.: Doubleday, 1959. 176 p.
 13. Seligman E.R. A. The Economic Interpretation of History. N.Y.: Knopf, 1907. 109 p.
 14. Simons A. M. Class Struggle in America. Chicago, 1903. 122 p.
 15. Simons A.M. Social Forces in American History. N. Y., 1911. 284 p.
 16. Smith J.A. The Spirit of American Government. N.Y.: Knopf, 1907. 312 p.
 17. Strout C. The Pragmatic Revolt in American History: Care Becker and Charles Beard. New Haven: Yale, 1959. XII, 182 p.
 18. Turner F. J. The Frontier in American History. N.Y.: Knopf, 1920. 119 p.
 19. What is Good of History. Selected Letters of Carl L. Becker. 1900–1945. Ithaca, London, 1973. 260 p.